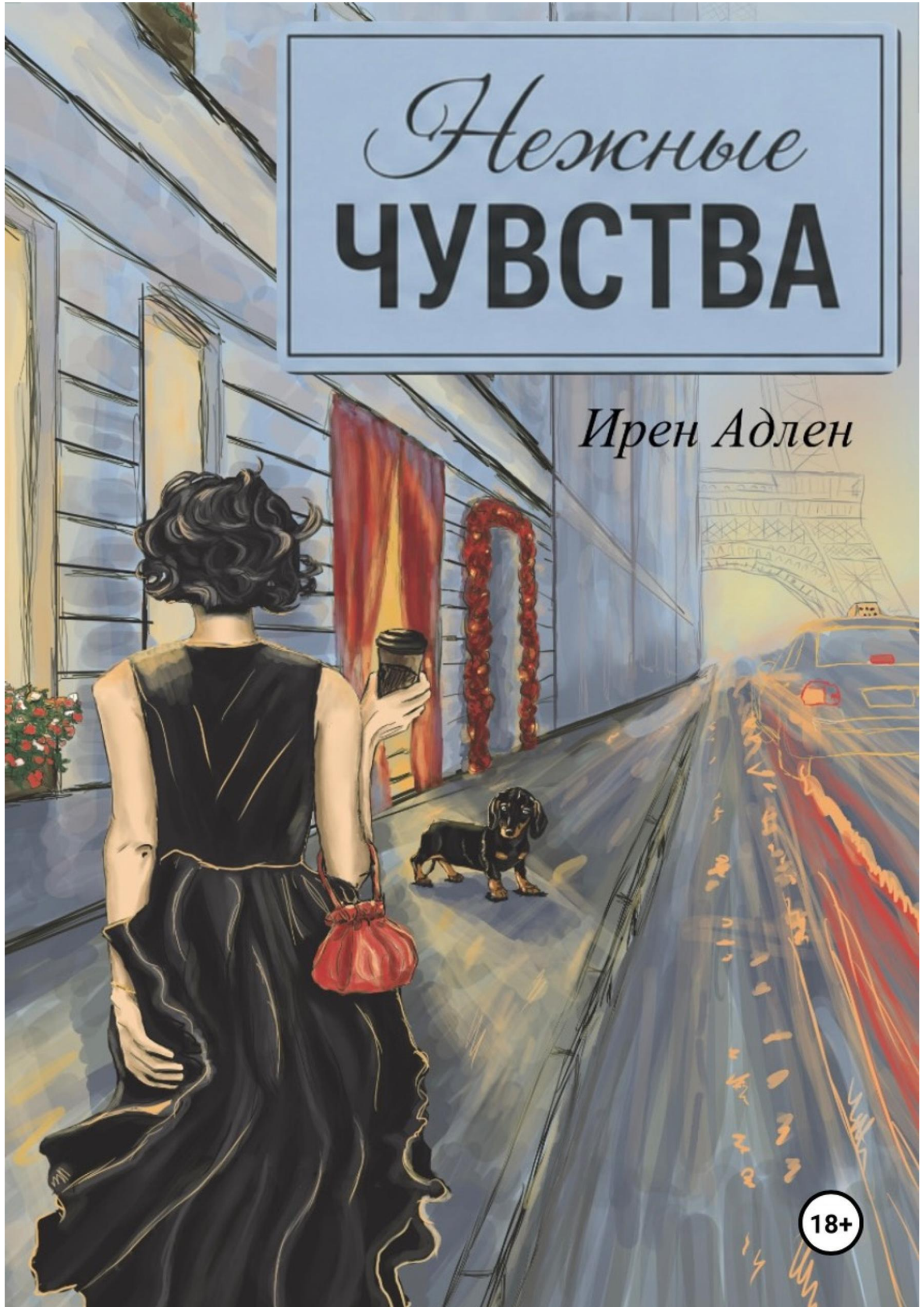

Нежные ЧУВСТВА

Ирен Адлен

18+

Ирен Адлен
Нежные чувства

«Автор»

2026

Адлен И.

Нежные чувства / И. Адлен — «Автор», 2026

«Нежные чувства» — роман о том, что взросление не заканчивается в юности. Кристина живет в Санкт-Петербурге аккуратной, правильно выстроенной жизнью. Однажды она начинает мечтать о Париже. Действительно ли другое место может сделать человека счастливее? Встреча с молодым и беспечным Сержем наполняет её жизнь внезапными эмоциями. Являются ли они счастьем? Или только отражением ее внутреннего желания перемен? Кристина исследует свои чувства и колеблется в замешательстве. Она понимает: всё, что у неё было — забота родителей, надёжность мужа, уют дома, — остаётся ценным. Это не приговор, а фундамент, с которого в очередной раз пришло время сделать шаг. Признать: я хочу другого. Не лучшего. И не красивее. Не только вверх, как требуют приличия. А и в ту сторону, где воздух. Потому что Париж — почти никогда не про Париж. А нежные чувства — это не только про любовь к другому. Иногда это мужество перестать предавать себя — даже очень вежливо.

© Адлен И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава первая. Ощущение ушедшего лета	5
Глава вторая. Тарелка и пижама	10
Глава третья. Эскапада	16
Глава четвертая. Тонкая грань	21
Глава пятая. Хрупкие животные	25
Глава шестая. Разговор о макаронах	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Ирен Адлен

Нежные чувства

Глава первая. Ощущение ушедшего лета

Подняв взгляд на зеркало, Кристина всмотрелась в свое отражение. С каким-то полурассеянным спокойствием отметила гладкость кожи, правильную форму губ, тонкий аристократический овал лица и легкий загар на нем, который доступен тем, кто не коротает день в помещении.

Она была красива.

Давно уже освободившись от стереотипов, а может и никогда не принимав их всерьез, она без напряжения, с ловкостью фотографа, ловила удачный ракурс во всех глянцевых поверхностях. Кристина подошла ближе к зеркалу, склонив голову набок. Нет, ей не двадцать пять и даже не тридцать. Ей уже сорок, и это проступало в легкой сеточке у глаз и чуть усталой линии губ. Нередко, даже чувствуя себя уверенно, она ловила свой настороженный взгляд по-кукольному больших, но как будто пустых и грустных глаз — и она одновременно узнавала и не узнавала его .

Рудольф собирался прийти к семи, забрав по пути Яну; сейчас пять — бесконечность свободного времени. Значит, его достаточно, чтобы вытянуться на диване, закрыть глаза и не думать ни о чем.

Дать себе передышку.

Дать паузу в круговерти многозадачности.

Но что же она так напряженно, до изнеможения делала целый день, если ей необходим отдых от даже от своих мыслей?

Ей была хорошо знакома эта беспокойная апатия, когда пытаешься выстроить разные несвязанные дела и задачи в один логический ряд, но с печальным изяществом понимаешь, что не справляешься. Машинально пробуешь вновь и вновь расставлять приоритеты, но итог один — прекрасные, неизбежные опоздания, промахи и разъедающее чувство вины.

Кристина вошла в гостиную и остановилась, залюбовавшись мимолетной красотой: лучи вечернего солнца скользнули по бежевой стене. Она улыбнулась — в памяти всплыло воспоминание.

Двадцать лет назад.

Она с другом провела замечательные выходные на даче ее родителей за городом. Вечером, перед отъездом, они сидели в машине, смеялись, а заходящее солнце играло мерцающими искрами на темных, слегка удлиненных волосах друга. Смешные завитки на концах разлетались от каждого дуновения. Кристина подтрунивала над другом детства, называя “златовлаской» и театрально разыгрывая зависть: ее в то время короткие волосы постоянно секлись и не держали прическу. Машина резко сдала назад, Кристину слегка дернуло на сиденье. Она прищурилась и бросила прощальный взгляд на затухающее на горизонте солнце. И в этот момент ее окатило волной счастья. Ей двадцать. Рядом с ней — потрясающее люди: добрые, красивые душой и телом, любящие и любимые.

Она спрашивала себя: ”Неужели это я такая счастливая? Чем же я заслужила все это?” И в следующее мгновение находила ответ: «Да, все это происходит на самом деле, со мной, все действительно хорошо! И пусть будет так и дальше!» И, желая скрыть широкую

улыбку, она закрыла глаза и подставила лицо свежему вечернему ветерку, врывающемуся сквозь открытые окна машины.

Она была счастлива в моменте, казалось, что весь мир заключает ее в теплые материнские объятия, окутывает заботой. В те объятия, о которых мечтает каждый ребенок, но получают лишь единицы. В те объятия, которые становятся опорой и неугасимым костром тепла, помогающим выстоять среди жизненных бурь. Это ощущение оставалась в сердце Кристины запечатанным на будущее кусочком счастья.

Разумеется она и после бывала счастлива с другими или благодаря другим, но ни разу — именно таким полным счастьем, которое ни с чем несравнимо и ничем не омрачено.

Со временем это воспоминание перестало радовать — превратилось лишь в напоминание о нарушенном обещании..

Вечером, после ужина, она вновь заведет разговор с мужем о необходимых переменах. Об этих неуловимых, таких дорогих для нее ощущениях и ускользающей теплоте. Рудольф ожидаемо пожмет плечами, с привычной точностью добавит сахар в чай, громко размешает и с обезоруживающей прямоотой скажет, что она все придумывает и вообще, жизнь есть жизнь: помучился и умер.

Конечно, он будет считать, что шутит, но от этого в душе Кристины станет еще мрачнее. Классическая сцена.

Она сожмет пальцами салфетку — тишину гостиной нарушит ее единственный протест: жалобное шуршание льна. И так каждый раз.

Предсказуемо. Ничего не меняется.

И Кристину начнут терзать сомнения: вдруг она и правда все выдумывает, эдакая героиня бульварного романа, ждет какого-то нереального счастья, и упускает важное — то, что рядом, самоуверенно рушит все своими руками.

Ее муж со свойственной ему легкой отстраненностью в отношениях тем не менее отличался неистребимым и по-мужски крепким жизнелюбием или, что точнее, жизнепринятием. В глубине души он был всем доволен: существованием на свете, размеренной карьерой в научной сфере, аккуратно выстроенной семьей, редкими моментами отдыха, даже этим удивительно крепко заваренным чаем с кружке «Папа всегда прав». Кристина так не могла. Увы, ее способности к столь совершенному спокойствию иссякли. Больше не могла.

В семь вечера приехал муж и дочь. Встречая их в гостиной и видя улыбающиеся лица, вслушиваясь в шуточный разговор, Кристина в который раз покорно подумала, что, видимо, это ее судьба и что она их любит, вопреки всему. И она любит его.

— О, черное платье? Вечер во французском стиле? Шарман? — Рудольф улыбнулся, но улыбка коснулась лишь уголков губ, не затронув глаз.

Он легким, привычным жестом притянул ее к себе, коснувшись талии. Мягкий трикотаж платья послушно пропустил мимолетное тепло его руки к коже. Это прикосновение могло бы обещать разгадку тайны, которую хранило в себе это струящееся черное одеяние, но не станет: она понимала, что его мысли уже далеко. Там, где кончалась тишина этой комнаты и начиналась суэта дня. От него пахло древесным парфюмом - его любимым ароматом — пахло историей и лесом, смешанным с терпким духом бензина и постоянным, неуловимым присутствием его смартфона.

— Как твой день? — спросил Рудольф.

За двенадцать лет брака он никогда не забывал задать этот вопрос. Это был его ритуал, отточенный, безупречный акт внимания, включенный в легкомысленный и строгий регламент их совместной жизни. Даже когда она отвечала «все плохо», «я устала», «был ужасный день», его действия не менялись. Стабильность, которую так ценят в браке, — печальную и элегантную, похожую на несмолкающую музыку в пустом баре.

— Все хорошо, как всегда, — соврала Кристина с обезоруживающей легкостью. — Проголодались?

— Я к себе, — буркнула дочь, едва небрежно сбросив кеды и сине-бежевый бомбер с символом школьной команды.

Нарочитая небрежность и это резкое "буркнула" были её защитой, её способом сказать: "Я уже взрослая, у меня свой мир, я справлюсь сама". Она как современный подросток почти не снимала наушники, за плотным звуком которых прятала свое тепло и уже не *горела желанием* делиться впечатлениями с родителями — слишком часто её рассказы оставались неслышанными.

Она была самодостаточной, но не холодной. Ее теплота и эмоциональность теперь принадлежали больше ее друзьям и ее увлечениям — туда, где ее слушали внимательнее. Она создала свой мир из музыки, друзей и командных символов, но где-то глубоко внутри не переставала ждать того внимания от родителей, которого ей не хватало.

Рудольф мягко отодвинул с прохода Кристину и проскользнул в столовую. Он всегда так делал, едва приобнимая ее за талию, скорее для соблюдения ритуала, чем для искреннего проявления чувств, не задерживаясь на ней ни взглядом, ни стремясь подольше удержать в объятиях.

В столовой уже был накрыт легкий ужин. Как всегда дальняя скатерть создавала домашний уют, напоминала, что они все еще семья. Небольшой букет цветов и приборы на троих — идеальный ужин посреди недели. Кристина прошла следом за мужем и остановилась у шкафа. Она уже десятый раз складывала льняную салфетку, но каждый раз складка всё равно уходила в сторону. Она хотела что-то спросить, но в дверном проеме показалась Яна. Ей всего одиннадцать, но она уже переняла манеру Рудольфа — задавать вопросы, не особо вслушиваясь в ответы, и приправлять их легкой, обезоруживающей иронией. Она подошла ближе к маме, взглянув на нее сосредоточенно и требовательно.

— Мам, а завтра у нас по расписанию поездка к бабушке? Или у этого пункта появился новый статус? Мы же вроде как договаривались.

— Думаю, да, поедем, Яночка. Но лучше уточни у папы, — Кристина механически погладила дочь по голове, глядя куда-то сквозь нее, на луч солнца, который уже почти исчез со стены.

— А он сказал спросить у тебя!

Яна, почувствовав привычную мамину отстраненность, с раздражением хмыкнула и плюхнулась на стул. В следующее мгновение ее внимание захватил смартфон.

Рудольф сидел за столом, так же листая новости в чатах.

— Пап! — громко заявила Яна, не отрываясь от экрана. — Так мы завтра едем к бабушке? Мама сказала спросить у тебя.

Он выключил экран смартфона, перевернул его экраном вниз и аккуратно положил его возле тарелки. Встал и слегка кивнул, наливая чай из небольшого белого чайника, такого лёгкого и удобного, что даже Яна могла управиться с ним одной рукой.

— Потом решим. Сейчас поужинаем. Убери телефон.

Яна сползла на стуле, театрально вздохнула и добавила с интонацией уставшего взрослого.

— Ваше вечное «потом решим», значит "никогда".

Кристина все еще стояла у шкафа, опираясь на деревянную столешницу, за её спиной мерно тикали кухонные часы, отражаясь в стекле дверцы духового шкафа. Аромат ужина — легкий, ненавязчивый, почти прозрачный — разливался по комнате.

Она посмотрела на Яну. Та сердилась.

— Яна, на что ты сейчас обиделась?

— На кошку.

— И что она тебе сделала?

— Могнула, — ответила Яна и под пристальным взглядом отца закатила глаза.

Кристина наклонилась к кастрюле, и тепло пара на мгновение коснулось её лица. Она осторожно взяла ложку — ручка была тёплой от плиты — и положила на Янину тарелку пару ложек овощного рагу. Сделала это неторопливо, словно проверяя, не слишком ли много, не слишком ли мало.

— Мааам, мне чуть-чуть. В школе подруги угощали вкусняшками.

— Appetit приходит во время еды, попробуй, — усмехнулась она и поймала Янин взгляд. Та помедлила, но улыбнулась в ответ.

Рудольф не участвовал и не слышал их или сделал вид, что не слышал. Он был слишком занят своим чаем. Разговор о переменах вновь был отложен.

Столовая постепенно наполнялась мягким золотистым светом от лампы над столом, и тени от тарелок ложились на скатерть тонкими, почти акварельными мазками. На стене висела картина с красивым и нестандартным видом на Эйфелеву башню — подарок самой себе — и каждый вечер Кристина ловила себя на том, что смотрит именно туда, в воображаемое пространство, где казалось легче дышать.

Воцарила тишина, нарушаемая только звоном ложки Рудольфа, размешивающего сахар в кружке "Папа всегда прав" и задумчивым молчанием Яночки. Ничего не менялось. Даже воздух осторожно обходит углы мебели, чтобы не тревожить их рутинного спокойствия. Кристина голосом включила музыку — тихую, почти прозрачную — будто хотела чем-то заполнить растущую пустоту.

Когда ужин закончился, тарелки переместились в машину, а крошки в ведро — Кристина зашла в спальню и села на мягкий пух перед туалетным столиком, как у куклы. Только очень уставшей.

Она уставала, да. Но это было половиной или даже меньше частью ее беды. Она скучала. Скучала по свободе и беззаботности. Был вечер августа, время когда особенно сильно хотелось возвращаться домой позже обычного, чтобы вдоволь насладиться комфортным не жарким летом, когда солнце светит мягче, а воздух наполнен запахами яблок и цветочного меда. Хотелось гулять вдвоем по сумрачным улицам, теплым от нагретого за день асфальта и бетона и непременно забрести в бар, подсвеченный огнями. Болтать, смеяться и может даже попробовать сочинять стихи.

Нет, не сможет она втолковать Рудольфу, что она устала, что по горло сыта этой ролью мамы, ставшей законом их отношений, этой ролью, которая ему дарит нужный статус, а для нее оборачивается одиночеством.

Не сможет Кристина сказать ему, что порой чувствует себя одной из тех злобных мегер, которых он так ненавидит.

В дверь спальни постучали.

Кристина резко выпрямила спину и обхватила себя руками. Стук был тихим, вежливым. Рудольф всегда стучал.

— Да, — ее голос прозвучал глуше, чем она ожидала.

Дверь приоткрылась. В щели показалась рука, а затем и лицо Рудольфа. Он уже в домашнем. Спокойный и приятно пахнущий.

— Ты скоро? — спросил он. Вопрос был частью того же регламента, что и утреннее "Как прошел день?". Он не приглашал к разговору, он просто проверял статус выполнения вечернего расписания.

— Сейчас, — ответила Кристина, глядя на свое отражение в зеркале туалетного столика. «Кукла. Уставшая».

— Во сколько у Яны отбой? Уже поздно. Напомню ей о времени.

Она кивнула. Муж закрыл дверь так же тихо, как и открыл. Ни малейшего любопытства, ни тени вопроса о том, почему она сидит одна в полумраке спальни вместо того, чтобы быть с семьей.

Кристина сжала пальцы на мягком пуфе. "Злобная мегера", — иронично подумала она о себе. Усмехнулась — немного, почти незаметно. Эта ирония была не шитом, не маской, а чем-то вроде внутреннего жеста поддержки. Позволяла ей сохранить равновесие — мягко, без обид, без разрушения.

Рудольф терпеть не мог скандалы, эмоции, любые движения вне рамок "жизнепрития". А она сейчас ясно ощущала, как внутри поднимается плотная, тягучая волна раздражения — не бурная, а вязкая, будто теплящаяся где-то под ребрами и медленно подступающая к горлу.

Она хотела поговорить с ним пустяках — о запахе яблок в вечернем воздухе, о барах с огнями, о свободе, по которой скучала почти физически. О том, что ей не хватает не времени, а живого отклика — легкого, мгновенного, как искра в разговоре.

Но Кристина знала: стоит ей произнести это вслух — и Рудольф услышит не смысл, а очередной "эмоциональный всплеск".

«Но это же мой выбор. Я же сама хотела семью. Хотела детей. Значит я делаю что то не то. Или не то чувствую». Она улыбнулась своему отражению — улыбкой из тех, что скрывают больше, чем показывают.

Она встала, переделась в шелковую рубашку и вышла из спальни.

Нужно проследить, чтобы Яна действительно легла пораньше.

Хотя Кристина уже начинала замечать: дочь, как и она, научилась выдавать нужные ответы правильным голосом — и прятать в тишине всё остальное.

Каждый из них говорил — но никто не слушал.

Глава вторая. Тарелка и пижама

Квартира родителей Кристины, куда они старались приезжать каждый четверг, была воплощением ушедшей эпохи. Просторная, с анфиладой дверей, подоконниками-диванами под высокими окнами, библиотекой, занимавшей всю стену до потолка в три места, и величественным камином, который, казалось, никогда не зажигали. В ней еще ощущался дух былого величия, но блеск этот был утрачен, как молодость, о которой напоминают лишь старые фотографии на стенах в пожелтевших рамках. Коричневые портьеры были подкрашены из-за утраты былой яркости, отчего цвет лег неровно; полированная мебель хранила память о бесчисленных царапинах, а паркет скрипел и отчаянно нуждался в руке мастера. Все выглядело мило, трогательно и немного грустно.

Тем не менее это была одна из самых гостеприимных квартир университетского дома. Здесь не искали роскоши, ценили покой и живость ума, приятные беседы и редкие откровения. Многие стремились заглянуть на рюмку чая к хозяину-профессору, человеку, который умел слушать так же хорошо, как и говорить. И хранить секреты.

Здесь часто звучала классика – негромко, из старого проигрывателя, заедающего и портящего пластинки. На смену ему пришел проигрыватель более современный, но неизменно настроенный на классическую волну. Музыка в своей строгой и гармоничной форме передавала широкий спектр чувств, которые хозяева и их гости предпочитали не выражать вслух. Она была идеальным фоном для их сдержанной жизни, для элегантного молчания и невысказанных сожалений, витающих в воздухе вместе с запахом старых книг и бергамотового чая. Здесь все было предсказуемо и понятно, как соната Моцарта, и это спокойствие, застывшее между несменными страницами отрывного календаря и звуками вальса, одновременно манило и отталкивало Кристину. Она чувствовала: собственная жизнь давно перестала быть этой выверенной музыкой.

Отец встречал их в холле. Время словно не имело над ним власти, оно лишь оттачивало его лучшие качества. Опрятность, наряду со спокойствием, невозмутимостью и безупречным воспитанием, была той его добродетелью, которую отмечали все, от студентов до старых коллег. Он был из тех людей, которые даже в домашней обстановке сохраняют достоинство. Таким он и предстал сейчас: в идеально выглаженном хлопковом домашнем костюме. Он улыбался как человек, чувствующий себя абсолютным хозяином семейного очага. И огонь в этом очаге горел ярко и ровно, потому что именно он, профессор, мастерски поддерживал его, знал меру дров и силу тяги. Он не без основания, что его знания и есть та сила, что поддерживает пламя, хотя на деле все чаще находился около огня, рекомендуя другим выполнение догм, смысл которых уже терял опору.

Он обнял Яну, поздоровался крепко за руку с Рудольфом и мимолетно поцеловал Кристину в щеку. В его движениях не было суеты, только уверенность в том, что жизнь — это устоявшийся порядок вещей, прекрасный в своей предсказуемости. Он был хозяином пространства, его центром, таким же надежным и незыблемым, как старинный камин, который уже не так хорошо грел, но продолжал занимать почетное место в гостиной.

Все расположились за большим столом.

Ужин начался в атмосфере той обманчивой домашней непринужденности, за которой скрывался классический сценарий. Казалось, время остановилось, чтобы заставить ее дольше

терпеть эту безупречную гармонию: мерный гул общей беседы и звуки музыки, вторящие тонкому стуку серебра по тарелкам.

Кристина украдкой бросала взгляды на Яну. Она не понимала, как ее вечно спешащая куда-то дочь могла выдерживать это затянувшееся благополучие. Яна даже отложила в сторону телефон — случай небывалый. Она оживленно участвовала в беседе, ловя каждый жест бабушки и почти интуитивно вплетаясь в ее размеренную манеру речи. Дочь каким-то чудом сворачивалась калачиком в этом ожидаемом уюте, принимая его правила как фон.

Остальным тоже было по-настоящему весело; лишь Кристине дышалось поверхностно от бесконечной скуки. Она выскользнула за двери гостиной сразу после горячего, поданного на традиционных изумрудно-белых тарелках.

Она привычным движением открыла распашные двери и шагнула в свою комнату, где теперь безраздельно властвовала мама. Здесь уже давно не было стола перед окном, у кровати появилось кресло, в шкафу лежали уже не ее вещи, а в воздухе стоял чужой аромат. И всё же полумрак был прежним — густым и покорным. Чуть прикрыв глаза, Кристина ощущала мимолетное дежавю. Почувствовала себя той девочкой, которой была много лет назад. Она даже представляла, как могла бы удивить себя, рассказав о будущем. Но зачем огорчать этого милого ребенка? В этих стенах она много во что верила, и это было, пожалуй, единственное, что имело значение. Ее личный кокон тепла как будто существовал словно сам по себе, отдельно от правил и чувства долга, ради которых она неделю за неделей возвращалась в этот дом.

О, что-то из ее вещей все же тут существует! Эта серая, с голубым узором коробка на третьей полке была ей хорошо знакома — одно из тех бессмысленных сокровищ, что мы храним из сентиментальности.

Она села на кровать, повертела картонный прямоугольник в руках и сняла крышку. В коробке обнаружились подарки, вещи — необычные, как сувениры из чужой, красивой сказки: кубки в виде рога, меч и сертификат на звезду с ее именем — очевидно, подаренный тем мужчиной, который считал себя, по меньшей мере, принцем.

И тут же — простые, уютные мелочи, за которые цеплялось сердце: кот с удочкой удачи и красная фланелевая пижама в клетку. Это были артефакты студенческих лет, молодости, поры влюбленности — того зыбкого времени, когда ощущение зарождающегося счастья и перемен казалось вечным.

Да, тогда она была уверена, что все мимолетные увлечения — лишь прелюдия, пролог, начало чего-то большего, глубокого, осмысленного. Предвестники настоящей Истории Любви, той самой, с большой буквы.

Со временем Кристина поняла, что эти события юности и были тем *всем, о чем она мечтала*. Небольшой, но яркой главой чувственного наслаждения, которое случается между мужчиной и женщиной, когда вспыхивает пламя и весь мир сужается до двух силуэтов. Какими яркими были романы и их герои! Как она любила периоды, когда бездумно и без сожалений можно раствориться в человеке, чувствовать и изучать, ловить взглядом каждое движение и влюбляться в незначительные, а потому самые важные мелочи. И как невыносимо просто, оказывается, было расставаться с каждым из них, оставляя легкое послевкусие.

Некоторым людям просто не суждено остаться рядом навсегда. Не всем суждено держать морщинистую руку партнера через пятьдесят лет. Многие, кто встречался на ее пути и задер-

живался на нем по не всегда понятной причине, в какой то момент уходили, растворялись в пространстве и в волнах своей судьбы. И помнила она не всех. Только тех, кто приходил, чтобы показать мир таким, каким она никогда не увидела без них. Тех, с кем открыла новое в себе.

Зачем она все это помнит?

Почему не избавляется от воспоминаний и эмоций прошлого, не ненавидит, а напротив, хранит, как что-то важное?

Порыв холодного воздуха, словно невидимый гость, ворвался в комнату и коснулся лица Кристины. Она потеряла свои красивые руки, отметив про себя с легкой иронией, что жизнь ее была, пожалуй, слишком легка. И оттого немного грустна. Что-то не произошло в нужный момент. Или произошло не так.

Сквозняк запустил Рудольф. Он вошел в темную комнату, оставив дверь приоткрытой, и опустился на кровать рядом:

— Решила отдохнуть от родителей и болтовни дочери? — тихо спросил он.

— Мамы не нуждаются в отдыхе от детей, ведь так говорят? — грустно улыбнулась Кристина. — Скорее им нужен отдых от ответственности.

Он улыбнулся, словно это была одна из тех милых женских шуток, которые не требуют понимания.

Кристина машинально закрыла коробку, которую держала в руках, поднялась и убрала ее на верхнюю полку, подальше от посторонних глаз.

— Яна с дедушкой наигралась в шахматы и бабушка собирает всех на чай?

— Точно, и то и другое.

— Идем?

Рудольф тихо хмыкнул, потянулся всем телом и вместо того, чтобы подняться, нарочито небрежно откинулся на кровати, демонстрируя, что никуда не торопится.

Кристине не нужно было поворачиваться, чтобы понять его настроение: она знала мужа наизусть, чувствовала на расстоянии руки. Знала, что он сейчас скажет, и щемящая скука уже подкрадывалась к сердцу.

— Кстати, — проговорил он, как будто мысль только что посетила его, — не оставить ли Яну и куда-нибудь прогуляться?

— До домашнего кинотеатра? — улыбнулась она, поворачивая голову и корпус так, чтобы предстать красивым темным профилем на фоне светлой двери. — Родители не согласятся, ты же знаешь. Пойдем.

И добавила:

— Может посмотреть что-то красивое после отбоя.

С этими словами и легкой улыбкой она вышла из комнаты. Рудольф последовал за ней, добавляя с ноткой деланного энтузиазма:

— Если не уснем раньше.

Кристина пожала плечами, потому что знала: так и будет, даже без всяких "если". Она много раз говорила почему. Или пыталась сказать.

Свет гостиной резанул по глазам после полумрака спальни. Мама звенела фарфором, расставляя чашки венгерского сервиза, в воздухе смешались ароматы свежесваренного чая и покупного пирога с лимоном. Это была её маленькая, тщательно оберегаемая традиция.

После рождения детей, ее мама, Капитолина Павловна, оставила работу, чтобы посвятить себя семье и дому. Десятилетия она создавала уют, воспитывала Кристину, принимала гостей

отца — важных деятелей науки и робких студентов, регулярно посещала церковь, но так и не научилась печь. Её кулинарный репертуар состоял всего из четырех коронных блюд: тартины с козым сыром и инжиром; лёгкий крем-суп из спаржи; филе-миньон с соусом пуавр; коктейль "Белый Негрони" — он казался ей более утончённым, чем оригинал.

По происхождению мама Кристины была немного француженкой — по линии бабушки, чьи предки бежали в Россию еще в девятнадцатом веке. Возможно, именно эта семейная легенда вдохновила Нору, старую знакомую матери, доверить ей первый этаж своего неожиданного наследства. В начале девяностых родители Норы, в духе авантюрного романа, выиграла в казино часть здания на Третьей линии Васильевского острова — и почти сразу «проиграли» в нем жизнь, оставив дочери лишь стены и горькую память.

Уезжая за границу, Нора передала ключи маме. Так появилось «*Chez Élise*» — место с эклерами и воздушным буше. Почти сразу после открытия, когда бразды взял на себя отец, кафе неуклонно превращалось в нечто иное. Василий Анатольевич, отец Кристины, быстро избавился от всего лишнего — от тяжелых портьер, антикварных безделушек и капризного меню, словно вычищая саму душу этого места ради сухой и бесперебойной прибыли.

За обеденным столом отец заговорил о делах: он решил передать Кристине управление кафе. Сейчас «*Chez Élise*» имело славу простой студенческо-профессорской столовой. Оно выглядело подчеркнуто скромно, со скучным меню на ламинированных листах, и казалось странным, почти случайным гостем в таком элегантном здании. Это было идеальное место для тех, кто ценил предсказуемость и хотел быстро утолить голод, не задерживаясь на неудобных венских стульях, — полная противоположность той французской уточненной роскоши, с которой всё когда-то начиналось.

— Тогда я его обновлю. Мне хочется управлять чем-то ароматным, красивым, европейским и концептуальным, — рассудительно проговорила Кристина, слегка оторопев, что сказала это вслух.

Мама, разливая чай по красивым фарфоровым чашкам, иронично улыбнулась. Это прозвучало так, словно речь шла не о старой столовой с котлетами, а о покупке нового шарфа Hermès.

Кристина, подставляя чашку для чая и блюдечком для пирога, почувствовала укол совести. Это выглядело неуважительно по отношению к родителям, которые были заботливыми, добрыми, образованными, справедливыми и по своему успешными людьми. В отличие от неё. Папа, например, весьма гордился честным соотношением цены и качества в кафе, отсутствием наживы на коллегах и при этом неизменно положительным балансом на счету. Ему, вероятно, было нелегко принять решение отдать ей это место, этот его маленький, но гордый проект.

— Да, да, — кивнул отец, вероятно, услышавший не все сказанные дочерью слова о её кулинарных концепциях.

Для него «концепции» существовали в области фантазий, в то время как счета за электричество были реальностью. Он, как обычно занятый своими мыслями, но словно вспомнив важное, добавил:

— Нора так и сказала, продлевая контракт: «С условием новой вытяжки и зеленого салата в меню». Дело решенное.

Кристина вспомнила, как в прошлый раз отец особенно сокрушался, что ее жизнь «ненормальная», что она должна «чем-нибудь заняться», а не «болтается без дела». Она тогда, разумеется, поддержала его идею, с энтузиазмом рассказала, как скучает по проектам, дедлай-

нам и выставкам с прошлой работы. Хотя именно сейчас тратить свое свободное время на развитие бизнеса ей хотелось меньше всего.

Привычка быть вежливой порой обходилась дорого.

— Нора ждет тебя завтра утром у себя, — произнесла мама и, чуть помолчав, тихо добавила. — Нора живет в том же доме. Прямо над кафе.

Кристина, вспомнила, что для их круга, для людей, унаследовавших определенные привычки, место жительства и место работы значили больше, чем просто адрес или должность. Это было частью незримого кода, определявшего судьбу. Тем, что не обсуждается, а просто принимается, с легкой грустью или тихим согласием.

— Конечно, папа, я подойду. Спасибо, — Кристина благодарно поцеловала морщинистую, с резкой щетиной щеку отца.

Это тоже было частью их неизменного ритуала.

Уже надевая пальто в прихожей Кристина увидела мамино кольцо, тонкое золотое с одним скромным, но ярким изумрудом. Она помнила его, помнила как любила примерять этот зеленый огонек на себя в детстве.

И ей вдруг стало любопытно.

Кристина только сейчас осознала: за все и годы она не задумывалась, почему кафе управляет отец, ведь оно было отдано под присмотр матери. А сейчас этот вопрос не давал покоя.

Почему право распоряжаться этой «французской мечтой» так легко перешло к нему в руки?

И Кристина, мучимая догадками, дала себе обещание обязательно узнать, почему мама так послушно отступила в тень. Ответ, возможно, таился где-то между ароматом чая и этим её легким, тихим согласием.

В машине Рудольф рассеянно включил радио, музыка в модном лаунж стиле заполнила пространство. Кристина привычным движением немного приспустила стекло и вдохнула свежий воздух. Принято ругать городской воздух, но для нее это была прохлада и возможность сделать вдох.

В голубом свете приемника она машинально стала рассматривать свою руку — длинную, холеную кисть. Она водила пальцем по едва заметным жилкам, которые под кожей сплетались в узор, напоминающий — как ей подумалось в мимолетном приступе сплина — ее собственную жизнь. Но нет, это было слишком драматично. У нее было прошлое, о котором она не жалела, были дети, которых она любила, был этот новый проект. Чувство выполненного долга успокаивало. Но где-то между удовлетворением и равнодушием таился вопрос, на который не было ответа: было ли это счастьем? И имело ли это вообще значение в десять часов вечера.

Они ехали быстро. Яна дремала на заднем сиденье, погрузившись в музыку из наушников. Притихший после дождя город скользил мимо размытыми огнями.

— Вот я думаю, — небрежно бросил Рудольф, — почему я езжу так быстро? Наверное, просто разыгрываю из себя молодого и рискованного.

Кристина промолчала. Он *и был* молодым человеком — легким, беззаботным, даже несмотря на эти два года разницы в паспорте. В их странном альянсе она всегда ощущала себя старшей, той, кто подбирает алгоритмы для жизни, кто несет неделимый груз неизбежных

ошибок. Он не мешал ей решать, но и не участвовал. Все это казалось ему пустяками, делами на пять минут, не стоящими ни усилий, ни, тем более, поддержки.

Так и возник этот идеальный дисбаланс, эта тихая гармония отсутствия взаимной заботы. Каждый сам за себя, но в одной машине, рвущейся вперед, в которой подчас нужно было приоткрыть окно, чтобы не задохнуться.

Кристина мельком взглянула на мужа, на его беззаботный вид. Она почувствовала знакомое, мимолетное раздражение, которое тут же уступило место усталой меланхолии. Как было бы *удобно* плыть по течению, как он, не просчитывать каждый чертов шаг. Позволить кому-то другому взять на себя этот вечный, такой старомодный груз ответственности.

Но, конечно, этим кем-то другим могла быть только она сама. Неидеальная дочь. Возможно, идеальная жена. Которая делает все как нужно.

Иронично.

Глава третья. Эскапада

Кристина проснулась позднее обычного, вся разбитая, и поспешно вышла из дома. Ей нужно было попасть к Норе Нейфельд — той самой Хозяйке здания.

Само здание не претендовало на звание исторического особняка, но обладало той вневременной классической осанкой, которая в центре города заменяет родословную. Четыре звезды, формат апартаментов — всё это позволяло Норе месяцами вести здесь свою неспешную, скрытую от посторонних глаз жизнь.

Для Кристины Нора оставалась фигурой из туманных рассказов — не столько подругой семьи, сколько женщиной закрытой и состоятельной. После ее громкого развода в прессе появилось много слухов и домыслов, львиная часть которых не имела отношения к реальности. Нора ничего не опровергала и не уточняла, Она носила эти слухи как дорогую шелковую шаль — согреваясь и закрываясь одновременно. Казалось, ей нравилось, что о ней говорят больше, чем знают на самом деле.

К десяти утра Кристина вошла в полупустую гостиную на третьей линии, но Нора еще не встала. Справа, сразу от входа начиналась территория кафе *Dez Elise*. Оно уже просыпалось в светлом зале. В панорамные окна светило солнце. С другой стороны, за нарядной ширмой, скрывалась каменная лестница, ведущая на второй этаж к территории личного покоя.

Решив припудрить нос, Кристина окинула взглядом бежево-белые стены. Зеркала поблизости не было. Она задержала взгляд на стеклянных створках ширмы — и в отражении увидела не только себя. Молодой мужчина стоял в дверях. Его яркая рубашка с расстегнутой верхней пуговицей, светлые льняные брюки вкупе с небрежно-модно уложенными волосами и тонкие черты лица выдавали в нем свободного и привлекательного человека. Он сразу захватил внимание Кристины.

«Принц не моего романа» - подумала она не оборачиваясь и улыбнулась своему отражению. Он был слишком высокий, слишком темноволосый, с яркими карими глазами и слишком элегантными движениями.

Казалось, в нем «слишком» все.

Мужчина не заметил ее и направился к столику у окна. Кристина кашлянула, и он обернулся с виноватым видом.

— Простите, пожалуйста, — заговорил он, — я вас не заметил. Доброе утро!

Кристина развернулась к нему и слегка улыбнулась.

— Добрый день. Нора просила меня зайти сегодня утром, обсудить детали обновления кафе. Боюсь, я пришла слишком рано.

— Все случается как-то рано — грустно отозвался он, садясь за столик и рукой предлагая присесть рядом. — Присаживайтесь, я Серж Нейфельд, сын Норы.

Кристина устало подумала, что перед ней — один из тех модных молодых пессимистов, вечно ищущих правду и так же вечно теряющих ключи. Они следили за здоровьем, говорили правильные вещи, а в минуты слабости легко забывали все принципы. Вроде бы взрослые — и всё ещё какие-то выросшие дети. Это почему-то раздражало и одновременно казалось трогательным.

— Ну что же вы стоите, не стесняйтесь, — Серж поднялся, но Кристина слегка покачала рукой, отказываясь.

Вид у него был спокойный, но в тоже время сконфуженный, и Кристина вдруг ощутила к нему некую симпатию. Ей стало понятно — он не кичится своей красотой и деньгами, что уже неплохо.

— Хотите кофе?

— Спасибо, не надо.

— А я, пожалуйста, выпью.

Он был из того мира, где все еще можно начинать сначала. Просто варил кофе, просто жил новый день и не взвешивал его. Не искал смысл или его отсутствие. Это была пленительная беззаботность и разделительная между ними черта.

Целый час она провела с Норой Нейфельд в ее роскошных апартаментах. Та явно была не в духе и держалась сурово. Тем не менее, проект перепланировки кафе в бистро постепенно обретал форму. Они обсудили поставщиков, и Кристина почувствовала легкое удовлетворение, когда Нора, впервые за утро, позволила себе слабую улыбку. «Возможно, теперь в меню будет что-то и мне по вкусу», — сказала она, и это прозвучало как одобрение. Дело было начато.

Спускаясь по лестнице Кристина чувствовала себя удивительно легко. Ее мысли перескакивали от деталей будущего стиля, финальных аккордов перед открытием, фотографий приглашенных журналистов и блогеров до пересчитывания ожидаемой прибыли. Она, с радостью рисовала в воображении не только красивые картинки, но и финансовые планы. И только на секунду, уже открывая дверь на улицу, Кристина скользнула взглядом по полупустому залу и столику, где утром познакомилась с Сержем. Она поймала себя на мысли, что за разговором с Норой совершенно забыла о существовании ее сына. Это осознание, похожее на тень, появилось и тут же исчезло.

На улице лил дождь, внезапный и сильный. Кристина остановилась под козырьком на входе, собираясь вызвать такси. Капли дождя залетали на крыльцо со всех сторон. В этот момент к тротуару, расположенному поодаль от здания, бесшумно подкатил черный блестящий автомобиль и моргнул фарами. Дверца открылась, Серж наклонился через переднее сиденье и прокричал:

— Позвольте, я вас подвезу?

Кристина сразу поняла, что он ждал ее, возможно, больше двух часов. Эта ненужная преданность немного растрогала ее. Она села в машину, подарив ему легкую улыбку.

— Мне нужно на Загородный проспект.

— Я как раз собирался в центр. Садитесь. Как прошел разговор?

— Вполне хорошо. Скоро здесь будет милое бистро, — Кристина посмотрела в окно, представляя как изменятся витрины и вывеска. — Мягкие кушетки, вкусными блюда. Шампанское на завтрак, если хотите.

— Французские корни? — Серж улыбнулся и поднял брови.

— Бабушка.

— Случайно не Маркиза де Помпадур? — автомобиль плавно выехал с дороги на набережную

— Я не настолько старая! — усмехнулась Кристина.

— А на сколько?

— Мне сорок, — без толики смущения сказала Кристина и даже слегка вздернула нос.

Серж присвистнул. Звук был настолько мальчишеским и непочтительным, что секундное раздражение сменилось смехом Кристины.

— Почему вы смеетесь? — Серж обескураженно крутил головой, то на дорогу, то к попутчице.

— Ваш свист был... — Кристина покрутила в воздухе тонким запястьем, подбирая слова — ...очарователен. Кстати, а вам сколько лет?

— Двадцать пять. И я куда более очарован, чем вы думаете, — он взглянул на нее так пристально и нежно, что ей стало не по себе.

Кристина поспешно спросила:

— Вы не опоздаете?

— Нисколько. Мое время принадлежит только мне.

Только сейчас Кристина почувствовала, что промокла, пока бежала до машины. Легкий озноб прошел по коже. То ли от свежести воздуха, то ли от дождя, то ли от пристального взгляда Сержа, она вдруг почувствовала себя свободно и даже весело. Кристина откинулась на сиденье и прикрыла глаза, наслаждаясь моментом. Новый проект, собственно заработанные деньги, пара выходных впереди. Что еще нужно для счастья!?

— Вы будете не против, если как-нибудь приглашу позавтракать со мной?

Кристина на мгновение замерла. Внутри проснулось почти болезненное сопротивление. Ей не хотелось так быстро терять это хрупкое наслаждение неопределенностью, легкостью флирта, необязательностью диалога. Приглашение означало необходимость поддерживать разговор, расспрашивать, стараться войти в чью-то незнакомую жизнь, отвечать на вопросы.

— Не знаю, — пожалала плечами она, — много работы в ближайшие дни.

— Ну что ж, — отозвался Серж. Он не стал настаивать, и это было приятно.

Кристина украдкой взглянула в его сторону. Он воплощал собой тот тип мужчины, который внушает скорее материнские чувства, чем страсть. Может быть, это и был ее тип отношений? И именно поэтому Рудольф оставался с ней беззаботным, словно ребенок.

— Мне сюда, — кивнула она в сторону длинного светло-желтого здания. Сквозь арку вдалеке виднелась территория частной школы. — Но можно подальше, на углу.

Серж остановился, вышел из машины и открыл ей дверь. Дождь к этому моменту уже поутих, поэтому он не успел промокнуть. Его вид остался безупречным.

— Спасибо, — кивнула Кристина.

— Не за что.

Она не рассчитывала добраться так быстро. Появилось свободных полчаса до окончания уроков Яны, и Кристина зашла в кафе. Привычное убежище. Улыбка не сходила с ее губ, и она тщетно пыталась натянуть на нее привычную маску вежливости. Сегодня, изменив эспрессо, она заказала кофе по-венски. С большой, приторной шапкой взбитых сливок, — деталь, напоминающая не столько Вену, сколько ее отсутствие. В ее жизни.

Странно, что ее родители, любители классики, ни разу не выбрались в это город и даже не мечтали там побывать. Она бы с удовольствием погуляла по городу и по Венскому лесу. «Что там делать?» - однажды бросил отец с той интонацией, которая обесценивает любые мечты. А мама лишь добавила: «Все тоже самое, что и тут».

Возможно, они были правы. В это была их сила — их абсолютная, непробиваемая правота. Но Кристине казалось, что избегая новых городов, новых запахов, они избегали и самой жизни. Сохраняя свой мир, но не обогащая его. Консервируя день ото дня в угоду традиций.

Кристина села у окна, за любимый столик, наблюдая за редкими прохожими. Официант принес высокий бокал. Белоснежные, взбитые сливки возвышались над темным, ароматным кофе. Кристина взяла серебряную ложечку и осторожно сняла немного воздушной пены. Она

таяла на языке, оставляя приятную прохладу и привкус ванили. Затем она сделала глоток. Горячий, крепкий напиток смягченный нежностью сливок приятно обволакивал горло.

Это было маленькое, ни к чему не обязывающее удовольствие. Теперь извечный спор поколений казался пустым, не стоящим ни внимания, ни времени. Она вдохнула аромат корицы — этот запах всегда немного успокаивал — и погрузилась в мир экрана, в этот удобный, цифровой побег. Она набрала в поиске «Вена». Миниатюрный, чужой мир развернулся перед ней: гиды, нетуристические тропы, советы по ракурсам на фоне дворцов. Кристина задержала взгляд на одной фотографии: на фоне блистательного Хофбурга — улыбающаяся девушка в широкополой шляпке. Какое-то смутное, знакомое движение или мимика.

Саша? Да, это была она, Александра. Красавица курса, с классически правильным лицом, похожим на лик романской девы. Странно, зачем она вечно стремилась похудеть? Она была цветущей, привлекательной, с этими черными ресницами на нежно-розовой коже.

«O la la», — подумала Кристина с легким оттенком иронии. Саша жила в Париже. Путешествовала без конца. Рим, Берлин, разные пляжи, нетуристическая Франция. Кристина поставила несколько "сердечек". Простое, бессмысленное действие, которое ничего не значило и ничего не меняло. Разве что *невесомый* укол мимолетной, почти абстрактной зависти, при наблюдении за чужой, такой *несложной* жизнью.

Она ощутила приятное наваждение, легкий трепет. Французские бабочки наполнили живот и мысли. Было забавно — почти комично, — что Париж манил так же властно, как в восемнадцать. Гулять по городу. Есть круассаны. Посещать выставки и магазины.

Странно планировать такое в одиночестве, когда юность прошла, а дома ждет семья. Для такой поездки нужна причина: незаконченный роман, экзистенциальный поиск, внезапное наследство, старая травма или, на худой конец, несбывшаяся мечта. Придется выбрать что-то одно для мужа, в оправдание этого маленького путешествия. Что ж, если желание пришло, ему стоит поддаться!

Официант появился бесшумно, словно тень.

— Могу предложить что-нибудь еще? Кофе, десерт? Или, может быть, счет?

Она подняла рассеянный взгляд, словно видела его впервые. Слабая, чуть грустная улыбка тронула губы.

— Нет, спасибо. Ничего не нужно.

Он не спешил уходить.

— Вы отдыхаете? — спросил он осторожно, нарушая тишину.

Она пожала плечами, глядя куда-то мимо него, на пустое кресло у окна.

— Отдыхаю? Не знаю. Я просто... существую. — Она сделала паузу, словно взвешивая слова. — Это, пожалуй, единственное занятие, которое мне сейчас по-настоящему нравится.

Официант слегка кивнул, его лицо выражало понимание, а может быть, просто вежливое безразличие. Он не стал задавать лишних вопросов и удалился.

— Хорошо. Я зайду чуть позже, — сказал он и исчез так же внезапно, как появился.

Кристина закрыла глаза, возвращаясь в свой ускользающий мир. Он существовал лишь в коротком промежутке между солнечным утром и неизбежным вечером, который обещал наступить очень скоро. Ребенок, спорт, уроки, ужин, душ, бесполезные попытки поговорить с подростком по душам перед сном — этот неизменный ритуал поглощал ее без остатка. Она так и не научилась жить без личного пространства, как бы ни старалась. Это было парадоксально,

ведь при этом она искренне ценила свою шумную, очаровательную, порой дерзкую девочку — свою главную дилемму и единственную аксиому.

Кристина оплатила счет, совершила у зеркала ритуал красоты — чуть блеска на губы, немного теней на веки и вышла в теплый август. Вдохнула ароматы земли, травы и цветов, обострившиеся после дождя. Счастье, казалось, состояло из таких секунд радости, любимых запахов и воспоминаний, которые они будят.

И тихой надежды на эскападу.

Глава четвертая. Тонкая грань

Чуть ли не четверть часа Серж искал, куда бы припарковать машину, и наконец поставил ее в полукилометре от офиса. Он работал у хорошего знакомого матери, Переводил документы и тексты для крупных международных проектов и участвовал в качестве синхрониста на всех встречах партнеров. Так как сам шеф почти не понимал иностранные языки, то временами Сержу страстно хотелось перевести что-нибудь неправильно, создать забавный каламбур. Но мешала лень.

Ступив на тротуар, Серж неловко ударился лодыжкой о ступеньку, чем привлек внимание нескольких женщин у входа. Рассеянно улыбнувшись, он тем не менее заметил привычное, мимолетное восхищение, блеснувшее в их глазах.

Прихрамывая, он вошел в офис. Это был большой, но уютный опенспейс, где за матовыми перегородками трудилось пару сотрудников. Играла легкая фоновая музыка. В центре, возле окна располагалось место шефа. На входе, за светлым столом сидела секретарша - старая, но очень опрятная дама - по имени Анфиса Павловна. Она бросила на него полуласковый, полускептический взгляд. Уж ей то было известно, что он закончил юридический и мог бы начать карьеру адвоката, будь у него побольше серьезности.

— С чего вы вдруг захромали? — спросила она.

— Ничего серьезного, не стоит вашего беспокойства, — ответил Серж, проходя мимо к кофе машине. — Шеф на месте?

— Утром уже спрашивал вас трижды. Сейчас почти час дня.

— Я поздно проснулся. Но зато видел нечто прекрасное.

— Женщину? - густо подкрашенные брови Анфисы Павловны взлетели вверх.

— Да. Знаете, лицо очень красивое, нежное такое, немолодое, но сияющее! И движения, осанка... и большие глубокие глаза, только грустные. Страдает, но неизвестно от чего...

Анфиса Павловна понимающе хмыкнула, кивнула и скрестила руки на груди.

— Вы бы лучше перевели проект нового парка и договор уже заждался.

— Ладно, - доброжелательно улыбнулся Серж, но скорее соблюдая вежливость, чем готовность поспешить заняться работой. Он достал из кофемашины чашку кофе.

— А она замужем? - кивнула Анфиса Павловна.

— Не знаю... я видел кольцо, но не понял на каком пальце, - Серж задумался, вспоминая. - У нее были денежные затруднения. Потом все наладилось, и она сразу повеселела. Я очень люблю женщин, которые радуются деньгам. Есть надежда, что они искренние не только в этом.

— Значит вы всех подряд любите, - сделала вывод Анфиса Павловна и развернула конфетку, перед этим кивком предложив ее Сержу, на что он вежливо отказался.

— Не люблю скрытных и совсем молоденьких. Они как будто играют плохонькую пьесу или плетут интригу, а не живут. В любом случае, у них это получается весьма неважно. И мне становится скучно.

— Документы у вас на почте.

— Приложу все старания, — кинул Серж и, сделав глоток кофе, удалился в свою часть кабинета, где его ждало удобное кожаное кресло.

Он открыл почту и вдруг поймал себя на странном чувстве — что-то изменилось.

Мысли путались, бежали не как обычно: не к делам и не к словам, которые он обычно подбирал заранее.

Лица мелькали в памяти — без имён и без возраста. Ровесницы.. они быстро утомляют. Этот их предсказуемый смех, разговоры ни о чем. Подруги матери.. паузы перед ответом. Медленный взгляд.

Он мотнул головой и вернулся к письмам.

Кристина заканчивала приготовления к ужину в стиле бенто - японская скромная порция еды, идеально сочетающая в себе полезные вещества при минимуме продуктов. Она строго соблюдала выученную мантру: «белки-углеводы-клетчатка», - в которую ее посвятила подростковая врач, объяснившая разницу между белком в мороженом и белком в курице. К счастью, Яна предпочитала постоянство и не требовала разнообразия.

В гостиной что-то упало. Вошел Рудольф; дочка бросились ему навстречу. С порога он уже ругал ее за шум, впрочем, не особо сердито. Но она, понимая это, кивала, обещала исправиться, ловила его взгляд и улыбку. Через минуту он уже шутил, Яна жмурилась от смеха и ходила за ним хвостиком.

Ужин был готов. Наступала любимая часть — сервировка, создание красоты. Кристина достала вино, наполнила бокалы.

— Сегодня какой-то праздник? — спросил Рудольф, заходя в столовую и улыбнулся.

— Можно и так сказать. Мне одобрили концепцию бистро и выдали солидный аванс, — Кристина передала ему один из бокалов.

— Осторожно, это заявка на победу, — усмехнулся он в своей манере, закрывая тему.

— Кстати, я вызвала Викторию уложить Яну. Мы сможем прогуляться до «Кабинета». Новый бар, о нем все пишут.

— Ты хотела сказать — поехать, — уточнил Рудольф и удивленно кивнул на бокал вина.

— Без проблем, поедem на такси, — Кристина чокнулась с мужем бокалами и села за стол. - Пешая прогулка - в наше время роскошь, которую мы не можем себе позволить.

Ужин прошел тепло. Иногда так случалось и с ними. После, в преддверии поездки, которая должна была разбавить монотонность будней, Кристина ощутила привычную вечернюю тяжесть. Идея похода в модный бар, еще недавно казавшаяся искрой предвкушения, теперь отдавала горечью переутомления. Она подумала о завтрашнем дне — о раннем подъёме, суете, людях — и удивилась себе. Желание отменить вечер нарастало. Не из протеста — просто из усталости. Ради все тех же разговоров нужно было выбрать платье, уложить волосы. Она прилегла на диван, закрыв глаза, и позволила себе погрузиться в знакомую тишину. В то же время ей хотелось идти — даже понимая, что этого будет слишком мало.

— Мы же сегодня идем, я не перепутал? - спросил Рудольф, присаживаясь на диван рядом. В голубых глазах читалось недоумение.

— Можем остаться дома, если хочешь.

— Нет, поедem, - улыбнулась Кристина и приподнялась на локоть. — Не думал, что я люблю прогуляться перед сном?

— Ты раньше не говорила, — пожал плечами Рудольф.

— Просто иногда... кажется, что сил меньше, чем дел, — сказала она, бросил взгляд на свежий маникюр и повернувшись к нему, чтобы слова не выглядели упреком.

Кристина поднялась на ноги и провела ладонью по плечу мужа.

Он не ответил, но поднялся вслед за ней.

Они все же не поехали в «Кабинет».

Мысль о суете популярного заведения показалась им утомительной и ненужной. Они остались в своем районе, предпочтя его тихую обособленность. Рудольф привел ее в незнакомое заведение, затерянное среди старых зданий, похожий на ирландский паб, — с тяжелой деревянной мебелью, пропитанной запахом старого пива и чужих секретов. Играла ненавязчивая музыка, а редких посетителей скрывало приглушенное освещение. В этом полумраке было удобно не всматриваться друг в друга.

Они прошли вглубь паба к стойке.

— Закажи мне греческий салат и ирландский кофе, - сказала Кристина, решив не изображать из себя мисс бодрость, - а я припудрю носик. Надеюсь, там не так темно.

Она повернулась от стойки и, шагнув вперед, наткнулась на Сержа.

— Добрый вечер, — его голос прозвучал тихо, но отчетливо.

Кристина, застигнутая врасплох, произнесла приветствие с почти автоматической вежливостью:

— Здравствуйте, Серж, — и немного помедлив, продолжила. — Познакомьтесь, это Рудольф.

Она слегка кивнула в сторону Рудольфа.

— Это Серж Нейфельд, — добавила она, стараясь придать голосу легкость, которую не чувствовала.

Рудольф протянул руку, поздоровался и снова уткнулся в меню.

Серж неторопливо развел руками в элегантно, чуть театральном жесте.

— Я хотел вас увидеть сегодня, и вот... - он сделал многозначительную паузу. - То ли Божье благословение, то ли проклятие. В любом случае, это знак.

Кристина, пойманная на крючок его спокойной уверенности, невольно поддалась игре:

— Хороший?

Она тут же ощутила неловкость, но было поздно.

— Для меня — очень! — Серж улыбнулся и, не дожидаясь приглашения, непринужденно присел за стойку с ее стороны.

Она передумала уходить, но менять планы казалось подозрительным. И она быстро удалилась.

Когда Кристина вернулась, Серж и Рудольф нашли уже общий язык, непринужденно обсуждали спорт, барную карту паба, даже затрагивали какие-то международные темы. Кристина молча села на свое место и отставила чашку с уже остывшим кофе. Она пыталась сосредоточиться на музыке, но та была однообразной и для нее чужой.

Серж склонился чуть ближе. Его голос звучал мягче, чем шум вокруг:

— Вы любите этот бар? Или это выбор Рудольфа?

Кристина чуть повела плечом, поправляя тонкий браслет на запястье и не смотря в сторону Сержа.

— Не знаю. Здесь можно сидеть и ни о чем не думать. Это иногда полезно.

— Думать? — Рудольф усмехнулся. — Зачем думать? Для этого есть рабочие дни.

Серж отстранился, выпрямился, поигрывая открывашкой.

— А я люблю думать. О людях, например. О том, что они скрывают.

Кристина ощутила легкую настороженность.

— Вы, должно быть, очень наблюдательны, — холодно произнесла она.

— Просто мне скучно, — пожал плечами Серж. — А скука, знаете ли, обостряет чувства.

Шок неожиданной встречи прошел, и Кристину с новой силой стало клонить в сон. Пришлось даже положить подбородок на ладонь.

Рудольф, заметив это, подозвал официанта для оплаты.

— Было приятно познакомиться, - сказал Серж, обращаясь к Рудольфу. Он перевел взгляд на Кристину. — Рад видеть вас вновь.

При этих словах он взял Кристину за локоть и слегка развернул к себе. Она наклонила голову и поправила прядь волос, не ответив.

Рудольф заметил, но ничего не сказал. Но когда они вышли, жестко спросил:

— Что он себе позволяет? Он вообще кто?

— Сын мадам Норы, - безразлично ответила Кристина и махнула рукой, проезжающему такси.

— Сын?

— Да, я видела его утром. Не обращай внимания. Просто он выпил лишнего.

До дома они ехали молча.

Глава пятая. Хрупкие животные

Утро субботы было серым и спокойным. Кристина выбралась из постели, и, потягиваясь всем телом, словно кошка, сварила кофе, села в кресло на балконе и открыла страницу в соц-сети.

Разнообразные сюжеты занимали ум, отвлекая от роя вопросов в голове. Мир со своими проблемами жил по ту сторону телефона. Достаточно увлекательно смотреть, как мелькают чужие жизни. Они отвлекают от своей.

Кристина приготовила кофе - неизменный утренний атрибут - наполнила им чашку с тонким золотистым ободком радующим глаз.

Если некоторые люди пьют кофе, чтобы проснуться, чтобы сражаться, чтобы побеждать, то она пила его, чтобы примириться с пустотой внутри.

Для нее кофе по утрам стал ритуалом не из любви к бодрости — Кристина не любила навязанную энергичность. Это было оправданием своего неподвижного созерцания жизни. Горькая пауза, позволявшая ей элегантно не существовать целую четверть часа. Пока внутри всё медленно рассыпалось на части, она держала чашку, как держат обломок кораблекрушения. В этом состоянии — пальцы обхватившие теплый фарфор — была та самая эстетика распада, которую она лелеяла и ненавидела, одновременно.

Когда-то ей не нужно было оправдываться в собственных глазах за безделье: беспечные годы не вызывали чувство вины, пока она ощущала себя счастливой создательницей семейного очага. Не просто стен, а пространства. Теплого, живого, общего.

Постепенно оказалось, что пространство держится на ней одной. Рудольф в нем жил, она его поддерживала. «Мы» незаметно стало ее личным проектом. И статус, когда-то примеряемый как нарядное платье, ощущался как подрезанные крылья.

Она не просто не справилась — она внезапно осознала, что для нее быть центром гнезда - как добровольный отказ от собственной жизни — отказ, который она долго называла: так бывает.

В какой-то момент стало ясно: если так будет дальше — она исчезнет.

Не из дома.

Из себя.

Она всё делала правильно.

Дом держался.

Ужин был вовремя.

Разговоры — спокойными.

Только внутри было пусто.

Как будто ее нет. И сил продолжать — не осталось.

И тогда чужая суэта — переделка кафе, новые разговоры, непривычные задачи — зазвучали как тихая музыка из другой комнаты. Не спасение. Но напоминание, что есть ещё что-то.

Саша, которой она вчера поставила лайки под фото, написала ей. Кристина удивилась. Малознаковый человек нашел время набрать несколько строк? Чудеса.

«Придется поддержать разговор. Но о чем говорить? Хорошо бы поболтать о Париже, о политике и погоде, не хочется что-то придумывать про себя,» - раздумывала она, изучая в стекле балконной двери отражение своего профиля, и эти роденовские черты лица ей нравились.

Саша была онлайн и начала переписку. Просто «привет».

Они болтали о кино, о смешных носках, о прошедших выходных, будто им было двадцать. Никаких смыслов - просто смех. И чувство, что они молоды, все еще впереди - хотя обе знали, что нет. Кристина случайно обмолвилась о бистро. Саша назвала ее проект - творческим и пообещала сбросить ссылки на пару заведений, где такой формат ей понравился в ее поездках.

Этот разговор обо всем и ни о чем, закончившийся на полуслове, как у неожиданных попутчиков, не вызывал раздражения или мигрени от лишних слов и ненужной информации, а напротив - явно добавил энергии. Кристина даже ощутила легкое чувство гордости за свой проект и за себя, а взгляд в отражении стал острее и звонче. Так, неожиданно, у Кристины появилась вполне реальная виртуальная подруга. В каждом сообщении от Саши чувствовался какой-то особый, "заграничный" воздух, которого так не хватало Кристине в ее пропахшей корицей кухне.

Рудольф наводил порядок на кухне, а девочки уже убежали в гостиную. Ей захотелось сделать что приятное, например, приготовить пирог с яблоками. Непременно с золотистой корочкой. Чем она и занялась. Кристина была воодушевлена и хотела общаться:

— Опаздываешь на завтрак, — Рудольф посмотрел на жену, убирая тарелки в шкаф.

— Бывает, - пожала плечами Кристина и порхнула на стул.

— Что-то не замечал за тобой. Овсянка еще теплая.

— Это хорошо, — Кристина отпила кофе и посмотрела в окно, — Я тут подумала, что счастливые, это те, кто смог уехать, — Кристина поудобнее устраиваясь за столом с тарелкой каши, которую подал Рудольф.

— Они меняются естественно и необратимо. Как-будто шагнули в другое измерение. Смена декораций преобразует помимо воли: начинаешь быстрее соображать, гибче чувствовать, видеть выходы там, где раньше была стена. Мозг обречен на обновление. А здесь, в родном городе, достичь такого переворота сознания почти невозможно.

— У всех все по разному, - бесцветно ответил Рудольф, изучая содержимое шкафа. - У нас есть что-то от насморка? Не могу найти.

— Адреналиновые капли остались. Коричневая бутылочка с пипеткой. Вторая полка справа.

Рудольф во многом не разделял ее мнение. И вообще не любил диалоги об абстрактном, о том, что не касалось жизни. Терпеть не мог философских размышлений. Он был типичным представителем золотой молодежи своего времени. Устав от праздности, он наблюдал за миром с иронией, не видя в нем особого смысла, что отразилось на его восприятии людей и событий. А многочисленные любовные интрижки в пору студенчества, не принесли истинного удовлетворения, а лишь привели к некоторой холодности и цинизму.

Кристину не огорчила затухшая беседа, она давно привыкла к подобному. Она говорила о счастье. Он - о лекарствах. Они редко совпадали по темам. Ей хотелось сказать про Париж,

но момент явно стал неподходящим. Рудольф простудился, был не в духе, а у нее наоборот - хорошее настроение, которое не хотелось портить.

«Может после пирога? — подумала Кристина. — После сладости и вкусного чая определенно должно получиться. Как у тех дам, со стальными нервами, создающих райскую жизнь мужу, детям, начальнику и даже консьержке, в обмен на исполнение их пожеланий». Она усмехнулась собственному неумелому лукавству. Кристина не выносила манипуляций, но Рудольф, похоже, не оставлял ей другого выбора, кроме как примерить на себя пошлый образ Хозяйки, которая аккуратно подводит мужа к "правильному" решению в обмен на свою заботу. Она уже начинала чувствовать решимость довести этот спектакль до конца, зная, что таким образом добьются своего.

Мысли о необходимости *играть* роль Хозяйки невольно вернули её к ощущению, что в жизни её родителей было куда больше скрытых течений и компромиссов, чем казалось на первый взгляд. Их жизнь, похожая на безупречную сонату Моцарта, имела и свои диссонансы, о которых не принято было говорить вслух. Например: почему кафе было мамино, а стало папино.

Кристина как раз заканчивала чистить яблоки, когда на кухне появилась Яна. Одиннадцатилетняя девочка уже успела унаследовать от отца не только ироничный прищур, но и умение появляться не вовремя.

— Пирог? — Яна оперлась о столешницу и лукаво прищурилась. — Ты его подкупить хочешь?

Кристина чуть не выронила нож.

— Яна! Что за слова? Я готовлю десерт.

— Десерт для папы, чтобы он подарил тебе что-то красивое и дорогое? — Яна закатила глаза, как это делал Рудольф, когда что-то считал глупым. — Скучно.

Кристина вздохнула, решив не поощрять дочкины подколы. Быстро сменила тему:

— Помнишь наше кафе? Старое, бабушкино?

Яна забралась с ногами на стул и принялась грызть кусочки яблока.

— Где дедушка сделал столовку? Ага, помню, — Яна усмехнулась. — Когда-то там были вкусные пирожные, а теперь — пельмени для студентов. Фэ-э-э.

Кристина удивленно посмотрела на дочь.

— Ты знаешь, что оно было убыточное, пока папа не взялся за дело?

— Знаю. А еще знаю, что тетя из кафе, которая нам его сдает, была влюблена в дедушку, а он выбрал бабушку, — Яна пожала плечами и взяла новую порцию яблочных долек. — Видела, как она на него смотрит? Как в старых кино. Вот это поворот, да?

Кристина застыла с яблоком в руке. Она слышала обрывки фраз, чувствовала напряжение, но никогда не знала деталей их взаимоотношений.

— Откуда ты это знаешь?

— Я подслушала, когда они с дедушкой на кухне говорили, — гордо заявила Яна. — Так что: тебе помочь с твоим маленьким планом с подкупом папы или позвонить бабушке? Может, еще что интересного узнаю?

Кристина молча протянула ей целое яблоко. Похоже, в ее семье всё было сложнее, чем казалось на первый взгляд, и она сама начинала плести свои собственные, пока еще маленькие, сети.

Кристина посылала порезанные яблоки ароматной корицей. Ритмичный стук ножа о разделочную доску прервал мысли. Она усмехнулась. Вот тебе и отдохнувшая, счастливая мама, которая делегировала домашние дела. Настолько мало она общалась с дочерью, что теперь удивлялась своими прозрениями. "Хочешь, чтобы подарил что-то дорогое", — вспомнила она Янины слова. Дочь что, читает мысли? Да уж, ее домашний очаг, едва теплился или, в лучшем

случае, явно горел с переменным успехом. Стандартный сюжет фильма. Никогда не любила манипуляции. Они дают результат, но временный. И второй человек все понимает. Возможно, не сразу. И это неприятно. Пусть пироги будут отдельно, Парижи - отдельно. «Не стоит перемешивать» — подвела итог Кристина, пристально посмотрела на яблоки в коричневом снегу и подставила пирог в духовку. Открыла окно. Становилось душно.

Свежий воздух коснулся лица, она улыбнулась, вспомнила вчерашние мысли о побеге в Париж и свою внутреннюю и искреннюю радость, хотя и недолгую. В этом было столько безответственности, но и не меньше игры. «Может, счастье — это просто отчаянно желать чего угодно: ароматного кофе, свежего воздуха, побега?»

Кристина вдруг осознала, что надо идти за своими желаниями и счастьем, меняя себя и мир вокруг, даже если все против. Особенно, когда появляется понимание, *чего хочешь*.

Она вошла в гостиную. Рудольф лежал на диване, небрежно откинув руку на подушку. Он был обаятелен той праздной красотой, которую Кристина когда-то обожала, а теперь... А что теперь? Он пил виски со льдом, хотя было еще слишком рано для чего-либо, кроме скуки.

— Пирог скоро будет готов, — произнесла она так, словно это было событие.

Рудольф устало поднял бровь. Он всегда удивлялся чему-то хорошему, что видел в ней. В шутку. Но было тоскливо. И отчасти обидно.

— Слишком неважно себя чувствую, чтобы оценить сегодня еду. И у меня насморк.

Она улыбнулась. Эта улыбка не имела ничего общего с весельем; она была скорее защитной реакцией на его невозмутимость и его насморк, про который она забыла. Хорошо, что пирог - это просто пирог.

Кристина подошла к окну и подумала о Норе, о кафе и о том, как её отец когда-то выбирал между любовью и расчетом. Интересно, кто играл какую роль? Нора, по слухам, стала богата только после развода. Хотя такой дом - это целое состояние, если распорядиться с умом. Все они, казалось, играли по одним и тем же правилам, застывшим в янтаре прошлого.

— Ты знаешь, — пробормотала Кристина, глядя в окно, — иногда мне кажется, что мы все чего-то ждем. Дождя или конца света.

Рудольф закрыл глаза и болезненно поморщился.

— Перестань философствовать. Это утомляет.

Она пожала плечами. Включила голосом французскую музыку. Он был прав. Философия была для тех, кто еще не научился чувствовать. Или по крайней мере не болел.

Кристина отвернулась от окна. Кажется, сегодня вечером праздника не будет. Будет только тихий, сдержанный вечер и невысказанное желание сбежать.

Музыка тихо играла.

Zaz пела о хрупких животных.

Кристина слушала и думала, что, возможно, она — одно из них.

И это не самое плохое, что можно о себе знать.

Animaux fragiles (Хрупкие животные)

Tu sais je suis pas malheureux

Нет, я не несчастен,

Sentimental on peut le dire

Меня можно назвать сентиментальным,

Un peu de buée dans les yeux

Немного тумана в глазах

A chacun de mes sourires

И в каждой моей улыбке.

Et si cette vie n'était qu'un jeu
Что, если эта жизнь была всего лишь игрой?
Et si on se moquait de nous
Если над нами посмеялись?
Pourquoi les gens sont si sérieux
Почему люди такие серьезные?
Si Dieu existe est-ce un fou ?
Если Бог существует, не сумасшедший ли он.

Глава шестая. Разговор о макаронах

— Хочу поехать в Париж.

Кристина даже не знала - решила ли она не ждать удобного момента или увидела его в ближайшем воскресном утре. Просто сказала вслух.

— Ничего нового, — ответил Рудольф не открывая глаз. - ты всегда туда хочешь.

Он обнял ее, прижал к себе и стало тепло. Он не спрашивал, зачем. Не уточнял, когда. Не спорил. Всё оставалось на своих местах.

Лишь его

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.